

РЕЗЮМЕ

І. О. Снегірьов. Синергетична раціональність: на шляху до нового світорозуміння.

У статті розглянуто значення принципів синергетики для сучасної філософської думки. Здійснено аналіз філософії самоорганізації як методології постнекласичного етапу в розвитку науки.

Ключові слова: теорія самоорганізації, нелінійність, раціональність, соціальні системи, нестійкість.

SUMMARY

I. Snegirov. The philosophic meaning of synergetic ideas.

In this article it was examine the meaning of synergetic principles for modern philosophic ideas. It was analyzed of self-organization as a methodology of post-non-classical stage in the science's development.

Key words: theory of self-organization, nonlinearity, rationality, social systems, the instability.

УДК 14:140.8 + 316.4

Н. Н. Зленко

Сумской государственной педагогический
университет им. А. С. Макаренко

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В статье проанализировано современное общество, которое получило множество интерпретаций, на основании которых были разработаны различные методологические подходы и созданы разнообразные модели (теория постиндустриализма, информационного общества, общества знания, сетевого общества, общества риска и др.).

Ключевые слова: постиндустриализм, информация, знания, сеть, риск.

Современный этап развития общества характеризуется определённой системой мировоззренческих установок, которые определяют различные аспекты социума. В теориях развития общества в настоящее время имеется большое разнообразие в подходах к его определению: постиндустриальное общество (Д. Белл, В. Иноземцев), постфордизм и информационная инфраструктура (Р. Райх), потребительский капитализм (Г. Шиллер), управление с помощью информации (Ю. Хабермас), информационное общество (М. Кастельс, А. Ракитов, О. Рубанец, Ф. Уэбстер), сетевое общество (В. Оноприенко), общество знания (В. Колпаков), хорошее общество (В. Федотова), общество риска (А. Альгин, У. Бек), общество организации, наблюдения и контроля (Э. Гидденс), общество потребления (Ж. Бодрийяр), индивидуализированное общество (З. Бауман).

Общество – сложный организм. Управлять им невозможно, делая акцент исключительно лишь на объективном характере законов общественного развития, игнорируя или недооценивая конкретно-исторические коллективные и индивидуальные действия социальных объектов. Однако нужно четко представлять, что можно ожидать от науки и тем более от философии для совершенствования реальной практики управления. Для того чтобы создать современную теорию управления, необходима мобилизация всего интеллектуального потенциала общества, достижение хотя бы минимального временного интервала для объективной оценки глобальных событий прошлого века не только самими учеными, но и массами людей как в отдельных странах, регионах, так и во всем мире.

Термин «постиндустриальное общество» был введен в научный оборот в 1958 году американским социологом Д. Рисменом. В 60-е годы XX века произошло широкое распространение понятия о постиндустриализме и осмысление того, что технологические факторы развития начинают превалировать над политическими и социальными. К началу 70-х годов XX века постиндустриальная проблематика стала одной из ведущих в западной социологии и многим исследователям представлялось, что эта новая глобальная методологическая парадигма способна дать существенный импульс общественным наукам.

Начало систематической работы в этом направлении можно отнести к 1965 году, когда в США была создана футурологическая комиссия, руководителем которой был Даниел Белл. Свою концепцию он изложил в книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.) [14].

Начиная с этого периода, появляются многочисленные работы, посвященные осмыслению исторического рубежа, на котором оказалось человечество. В. Иноземцев выделяет два основных течения (подхода в русле концепции постиндустриализма).

Первое течение объединило авторов, подчеркивающих различия между сложившимся к концу 60-х годов западным обществом и новой технологической цивилизацией. Некоторые исследователи конкретизируют свои концепции, говоря о постиндустриальном капитализме и социализме, экологическом и конвенциональном постиндустриализме и т. п. В основе данного подхода лежит оценка нового (зарождающегося) социума как резко отличающегося от общества, господствующего на протяжении последних столетий. При этом отмечается, прежде всего, снижение роли материального производства и опережающее развитие сектора услуг и информации. Указанные факторы изменяют характер человеческой деятельности и типы ресурсов, вовлекаемых в общественное производство, что должно привести к существенной модификации традиционной социальной структуры. Этому подходу, как и всей концептуальной линии постиндустриализма, присущи оттенки технологического детерминизма, что стало причиной ее критики со стороны исследователей – приверженцев концепции постмодернизма, которая широко распространилась в футурологических исследованиях 1980/90-х годов [4, 19–20].

В русле этого подхода лежит развернутое определение постиндустриализма, данное Д. Беллом: «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов».

Второй подход связан с определением нового состояния цивилизации через анализ его отдельных признаков – в частности информационных процессов.

Существенный вклад в развитие доктрины постиндустриализма внес американский политолог Збигнев Бжезинский, который изложил основные положения своей футурологической концепции в книге «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру». «Постиндустриальное общество, – утверждает З. Бжезинский, становится технотронным обществом – обществом, которое в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области компьютеров и коммуникаций» [5]. Технотронная революция накладывает свой отпечаток на характер образного восприятия действительности: рушатся традиционные связи в семье и между поколениями, общественная жизнь фрагментируется, несмотря на растущие тенденции к глобальной интеграции. Этот парадокс, по мнению З. Бжезинского, способствует краху старых верований, связанных с национальными и идеологическими общностями людей, и формирует новое глобальное видение мира.

Все изложенное свидетельствует о том, что теория постиндустриального общества представляет собой весьма серьезную и глубокую социальную доктрину, которая имеет продолжительную историю, весьма глубокие и разветвленные корни, разработанную методологическую и терминологическую основу и способна служить действенным средством социального прогнозирования событий XXI века.

Также в настоящее время современное общество часто определяется как общество информации, или информационное общество. Концепция информационного общества рассматривается в трудах Д. Белла, И. Масуды, О. Тоффлера, А. Турена и трактуется практически синонимично постиндустриальному обществу. При этом в качестве основного фактора, определяющего направление общественного развития, выделялось научное знание и постепенный переход от производства материальных продуктов к доминированию производства нематериальных продуктов, а позднее конвергенция электронно-вычислительной техники с техникой средств связи. В работах современных российских авторов, таких как Р. Абдеев, С. Дятлов,

И. Курносов, И. Милюхин, А. Ракитов, О. Сухарев, делается акцент на информационной составляющей процесса перехода к новому этапу развития социума, а также основных способов и технических средств передачи данных, при этом уделяется недостаточное внимание проблеме снижения прогнозируемости общественного развития, приводящей к возрастанию неопределенности и, как следствие, росту риска.

Во второй половине XX ст. считалось, что основой формирования информационного общества является развитие информационно-коммуникационных технологий и рост информации. В исследованиях информационного общества этого времени речь шла в основном о совершенствовании распространения и обеспечении доступа к информации, в обсуждении доминировали технологические, инфраструктуры и экономические аспекты.

Сам термин «информационное общество» связывается с именами японских ученых Ю. Хаяши и Й. Масуды и датируется началом 60-х годов XX века. Также встречаются версии, что данный термин был введен в научный обиход одновременно в США и Японии Ф. Махлупом и Т. Умесао, которые занимались исследованиями динамики развития наукоемких производств.

Информационное общество – это новая стадия в истории человечества и от того, как люди смогут осознать его значение, зависит характер будущей цивилизации. По этому поводу Н. Моисеев писал: «Информационное общество не сможет утвердиться на планете само по себе, без целеустремленного действия людей. Для того чтобы потенциальные возможности информатизации послужили планетарному содружеству, нужно много чего изменить в его укладе и в стереотипах нашего сознания» [7, 428–452].

Согласно Э. Соловьеву, понятие «информационное общество» характеризует постиндустриальное общество в контексте «информационной революции». К традиционному для концепции постиндустриализма делению экономики на первичный, вторичный и третичный секторы был добавлен информационный, который является системообразующим для информационного общества. Информация является ключевым фактором производства, превосходящим по значимости все виды материального производства, производства энергии и услуг. «Более того, знанию и информации, а также интерактивным коммуникациям приписывается роль основного агента социальных и политических изменений в современном западном обществе» [11, 142–144].

Концепция нового информационного общества быстро приобрела широкое признание, а америанский футуролог Д. Нэйсбит уже в начале 80-х гг. прошлого века одной из мегатенденций своего времени признал переход от индустриального общества к информационному [9, 342–343]. Переход воспринимался в те годы, как однозначное благо для человека, даже как «триумф личности» в конце XX в., поскольку человек встречает новое тысячелетие более могущественным, чем когда-либо. Исходными и решающими факторами этого перехода признаны: компьютерная революция, развитие информационных технологий и инфраструктуры до того уровня, когда

зависимость развития общества от законов движения информации действительно дает о себе знать и осознается людьми.

А. И. Ракитов [10, 14–18] в своих трудах пишет, что переход к информационному обществу значит, что важнейшим продуктом социальной деятельности становится производство, эксплуатация и использование услуг и знаний. Информационное общество – это общество, где все средства информационной технологии, то есть компьютеры, интегрированные системы, кабельная, спутниковая и другая связь, программное обеспечение, научные исследования, нацелены на то, чтобы сделать информацию общедоступной, что активно внедряется в производство и жизнь.

По мнению А. Ракитова, основными критериями информационного общества являются количество и качество информации, которая есть в обращении, ее эффективная передача и переработка. Дополнительным критерием является доступность информации для каждого благодаря ее относительной дешевизне.

Ж. Бодрийяр, Е. Гидденс, Г. Шиллер, Ю. Хабермас и другие связывают становление информационного общества не столько с технологическим развитием и количеством используемой в обществе информации, сколько с ее новыми характеристиками. Общим для этих авторов является убеждение, что процесс информатизации нашего образа жизни продолжается, возможно, уже несколько веков, хотя в последнее время после индустриализации и появления национальных государств он усилился. Придерживаясь этих принципов, отмечены авторы, однако, не утверждают, что в современном обществе ничего не изменилось, напротив, уже именно явление информатизации свидетельствует об изменениях, которые происходят, и их результатом выступает то, что информация занимает сегодня намного более важное место в обществе, чем когда-то. Однако данные авторы отбрасывают идею информационной революции, которая изменила сформированный социально-экономический порядок и привела к появлению принципиально нового типа общества. Информатизация, по их мнению, является выражением социальных отношений, которые давно возникли и сохраняются.

Из вышесказанного можно выделить общие принципы создания глобального информационного общества для всех стран: обеспечение справедливой конкуренции; поощрение частных инвестиций; определение и адаптация регулирующих механизмов; обеспечение открытого доступа к сетям; создание условий для обеспечения универсального доступа к информационным услугам; обеспечение равенства возможностей для граждан; обеспечение разнообразия содержания, включая культурное и языковое; признание необходимости международного сотрудничества с особым вниманием к развивающимся странам.

В основу современной информатизации общества можно положить два важных принципа. *Практический принцип* – информатизация возможна только при условии, если отправной точкой для практиков станет выход на общенаучный, общефилософский, общеметодологический уровень рассмотрения. В результате этот подход начинает реализовываться в

общечеловеческом масштабе и вписывается в парадигму нового мышления. *Теоретический принцип* – за отправную точку необходимо принять содержательную цепочку понятий: «компьютеризация – информатизация – интеллектуализация». В такой интерпретации информатизация выступает как связывающее звено – формально между обществоведением и технзнанием, между наукой и производством, содержательно между собственно природой и умом человека.

Таким образом, думается, что составляющими понятия информационного общества являются: а) информация и знание как важный ресурс и движущая сила социоэкономического, технологического и культурного развития; б) формирующийся рынок информации и знания как фактор производства рядом с рынком природных ресурсов, труда и капитала; в) быстрые темпы развития тех отраслей, которые связаны с созданием, передачей и использованием информации; г) развитие и активное внедрение информационных технологий в производстве, образовании, общественной жизни.

Среди различных модификаций концепций информационного общества существенное место занимают концепции, вплотную примыкающие к проблематике управления или кибернетики. Показательно, что авторами таких концепций являются представители технократической элиты. Так, например, интерес вызывает работа специалиста в области кибернетики Р.Ф. Абдеева, который обосновал в конце 80-х новую философскую концепцию «информационной цивилизации», объединив идею развития с идеей внедрения кибернетики и процессов информатизации [1, 59–70].

Все больше авторов соглашаются с тем, что прогресс информационно-коммуникационных технологий превращает общество не само по себе, а благодаря изменению природы и свойств информации, создаваемой и распространяемой с их помощью. Таким образом, концепция информационного общества превращается в концепцию общества знаний («knowledge society»). Она характеризуется технологическими, социальными, этническими и политическими измерениями. Неотъемлемыми ее компонентами стали: новые междисциплинарные знания, которые генерируются научными и социальными институтами; подготовка высококачественного человеческого капитала, которую осуществляет образование, создание дополнительных богатств экономикой знаний и формирование на этой основе интегрального вектора развития общества, сориентированного на повышение качества и безопасности жизни всех его членов.

Новое общество – это общество знаний, общество, в котором интеллекту отдают предпочтение перед грубой силой, где центр деятельности сместился в сферу умственного труда. В этом обществе главные активы любого предприятия – интеллектуальные. На первый план выдвигаются знание и творческие способности работников.

Неудовлетворенный неопределенностью приставки «пост» в термине «постиндустриальное общество», канадский социолог Н. Штер настаивает на том, что термин «постиндустриальное общество» должен быть заменен

термином «общество знания». Под обществом знания Н. Штер понимает общество, в котором преодолено различие дискурсов науки, технологии, культуры и социума. Н. Штер видит в обществе знания новую социальную реальность, которую он характеризует множеством черт, таких, как рост значения фундаментальной науки в качестве непосредственной производительной силы, возрастание роли знания как основания индивидуальных и коллективных действий, появление политической экономии знания, повышение статуса экспертов и экспертных групп и пр. [6, 26–38].

Общества знания – это общества, источником развития которых являются собственное многообразие и собственные способности. Каждое общество располагает собственными преимуществами в сфере знания. Поэтому надо стремиться обеспечить соединение знаний, которыми уже обладают те или иные общества, с новыми формами создания, приобретения и распространения знаний, которые используются в рамках модели экономики знания. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры. Множественное число здесь использовано, очевидно, неслучайно, а для того, чтобы подчеркнуть, что не существует какой-то единой модели, которую можно «поставить под ключ» и которая достаточно отражала бы культурное и языковое многообразие, которое одно только и может позволить каждому человеку ориентироваться и найти свое место при нынешних стремительных изменениях. Построение любого общества всегда включает различные формы знания и культуры, в том числе и те, на которые оказывает сильное влияние современный научно-технический прогресс.

А. Субетто называет это общество – образовательным, которое стало одним из измерений общества в XXI веке, т. е. того «разумного общества», с которым связан выход человечества из «тупика Истории». Образование – главный механизм восходящего воспроизводства качества общественного интеллекта, следовательно, качества культуры, качества науки, качества управления будущим на уровне общества; главный механизм действия закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта, качества образовательных систем в обществе. Действие этого закона является основой устойчивого развития, обеспечения динамической социоприродной гармонии, решения экологических проблем.

Согласно А. Субетто, современное общество трансформируется в образовательное общество под воздействием Синтетической Цивилизационной Революции, ее императивов:

- императива всесторонне гармоничного, целостного универсального развития человека как императива «человеческой и системной революции»;
- императива непрерывного образования человека как условия его бытия в «мире изменений», в мире постоянной непрерывной инновационной динамики;
- императива подготовки профессионалов-проблемников, т. е. императива новой парадигмы профессионализма – проблемно ориентированного, универсального профессионализма;

- императива фундаментализации и универсализации всех образовательных программ;

- императива перехода ко всеобщему высшему образованию и др.

Образование в результате Синтетической Цивилизационной Революции «переместилось» от позиции института, «работающего» в сфере услуг, в позицию института, «работающего» в сфере основания как материального, так и духовного расширенного воспроизводства. Появление образованиеемкой, интеллектоемкой, наукоемкой экономики, как результат Синтетической Цивилизационной Революции, имело своим следствием превращение образования в главную силу воспроизводства современных экономики и общества, в движущую силу всех воспроизводственных процессов [12, 120–123].

Следствием развития информационного общества является развитие нового типа общества – сетевого. Понятие сетевого общества чаще фигурирует в работах философов и социологов, посвященных современной постиндустриальной эпохе. Взяв его за основу, американский социолог М. Кастельс сделал себе имя. Продуктивное применение понятию сети нашли такие авторы, как А. Бард, П. Бурдьё, А. Давыдов, Ж. Делез, Я. Зодерквист, А. Назарчук, и ряд других учёных. Сеть возникла и развивается как сугубо технический феномен новых коммуникационных технологий. Понятие сетевого общества обозначает новый подход к изучению социальных явлений, находящийся на стыке информатики и социологии. Задача состоит в самостоятельном исследовании процесса возникновения совершенно нового качества социальной коммуникации, стремительным образом трансформирующего институты и практики современного общества.

В основе концепции сетевого общества лежит представление об информации как знании, порождающем конструктивные изменения системы. Понятие сети является ключевым для логики сложных коммуникационных систем. Будь это сети транспортных коммуникаций, кабельной или сотовой связи, в основе лежит задача покрыть максимальную площадь, обеспечить доступ от одной точки к какой-либо другой на этой площади.

Компьютерные технологии придают новые очертания понятию сети: сеть – это не только способ транспортировки информации, но и возможность ее обработки.

Ключевым, хотя далеко и не единственным механизмом формирования сетей, является Интернет. Это и широкие экспертные сети, и сетевые бизнес-проекты (Google, Ebay, Yahoo, электронные биржи), и он-лайн конференции, которые объединили по интересам миллионы людей. Никаким традиционным институтам не под силу формирование столь широких и многообразных сетевых сообществ. Интернет породил новый тип «социальных сетей», которые смогли придать черты устойчивой коммуникации поистине эфемерным, случайным человеческим контактам – форумам, Интернет–конференциям, блогам и т. д. Интернет по праву называют «сетью сетей». Однако важно не терять из виду инфраструктурный, технический характер Интернета. Это кабельная (или беспроводная) компьютерная сеть, подобная телефонным сетям,

сетям дорог или воздушных сообщений. Интернет-сообщества, которые образуются в его пространстве, не являются Интернетом, поскольку это сообщества людей, использующих Интернет.

Одним из интересных предметов исследования сетевых структур является индивидуализация конфигурации сетей в каждой определенной области. Именно разнообразие сетей создает новый структурный эффект в обществе. Сети не одинаковы. Они могут быть плотными и редкими, горизонтальными и вертикальными, магистральными и переплетающимися, стержневыми, эксклюзивными и массовыми, локальными и глобальными, постоянными и спорадическими и т. д. Реальная комплексность и морфология сетей обнаруживается не в локальном пространстве, где берут начало элементарные ячейки сети, а в глобальном мире [8, 61–75].

Сетевые формы организации возникают и в сфере политики, при этом они могут использоваться для достижения самых разных целей. Наиболее опасные проявления этого связаны с феноменом международного терроризма, питательной средой которого выступает политический экстремизм.

Исходя из наличия такого источника информации, как знание, возникает тенденция считать термин «общество знания» тождественным термину «информационное общество», раскрывающим при этом главные источники производства и распространения информации.

Однако вся эта терминологическая разногласица не мешает современным интеллектуалам, социальным аналитикам, гуманитариям сходить в главном, а именно в понимании будущей судьбы мира – мир, который есть детерминистически не определенным, не гарантированным, открытым катастрофам, преисполненным экзистенциальными рисками, опасностями, угрозами.

Сегодня индустриально развитые страны, а за ними и человечество в целом, переходят в качественно новое состояние, которое немецкий социолог Ульрих Бек назвал «обществом риска» [2, 5–10]. Концепция, изучающая риски, называется рискологией. Это междисциплинарное направление, изучающее риск во всех его проявлениях. Между тем именно это направление должно играть решающую роль в изучении современного общества, называемого обществом рисков.

Основы рискологии были заложены западными мыслителями, в трудах которых нашли отражение представления о сущности риска как явления, затрагивающего различные сферы человеческой жизнедеятельности. Это, работы У. Бека, Э. Гидденса, К. Лау, Н. Лумана, а также В. Зубкова, В. Ибрагимова, С. Яковлевой, О. Яницкого и др.

По мнению Н. Лумана, в современном обществе нет поведения, свободного от риска [15, 28]. Риск рождается в русле прогрессирующей модернизации и становится детерминирующим фактором среды жизнедеятельности. Н. Луман также считает, что современная коммуникация предполагает выбор между альтернативами, что само по себе является рисковым. Но, несмотря на подрыв основ традиционной рациональности,

коммуникация, и ничто иное, остается тем средством, с помощью которого общество как система производит и воспроизводит себя.

Анализируя имеющиеся в научной литературе определения риска, можно выделить три аспекта рассмотрения данного феномена: 1) риск как опасность, угроза; 2) риск как вероятность определенных возможностей, т. е. риск трактуется как ситуация выбора; 3) риск как способ снятия состояния, ситуации неопределенности путем реализации имеющихся возможностей в реальности. В реальной социальной жизни все три аспекта риска, как правило, переплетаются в единое целое, ибо любой выбор предполагает снятие неопределенности, но в то же время он может таить в себе определенную угрозу или опасность, поскольку с ним связаны некие ожидания, вариативность осуществления которых и представляет собой ситуацию риска.

По мере восхождения развития общества увеличивалось число рисков и возрастала мера опасности. В связи с развитием глобализации социальный риск стал элементом транснационального и межгосударственного взаимодействия.

Возникновение рисков в различных сферах общественной жизни породило необходимость теоретического осмысления сущности риска и их содержания. В конце прошлого века возникла новая дисциплина – социология риска, которая изучает риск как социальное явление, особенности его возникновения, функционирования и перехода в иное состояние.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что к социальным рискам относятся такие явления и процессы социальной сферы общества, которые несут опасность социальной дестабилизации и являются весьма сложными по своей структуре, специфическим функциям и социальным последствиям, что затрудняет качественное прогнозирование их развития. Социальные риски являются индикатором уровня социальной напряженности как на локальном, региональном уровне, так и на уровне всего мирового сообщества.

С данных позиций представляется возможным подразумевать под социальным риском опасность, возникающую себя в рамках социальной сферы общества, имеющую негативные социальные последствия, которая сказывается на жизнедеятельности индивидов, социальных групп и общества в целом.

Ряд авторов определяют общество риска как специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств, физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный характер, а преимущественно случайный, вероятностный, вытесняясь производством самого риска.

С учетом вышеизложенного представляется возможным сделать вывод о затруднительности выявления социальных рисков в чистом виде, поскольку каждый из них очень тесно связан с явлениями и процессами, протекающими в других сферах общества.

Так, в концепции У. Бека риск есть систематическое взаимодействие общества «с угрозами и опасностями, инициируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. В отличие от опасностей прошлых эпох

риски суть последствия, связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемыми ею глобальной нестабильностью и неопределенностью... В обществе риска неизведанные и неожиданные последствия приобретают характер господствующей силы» [3, 21–22].

О. Яницкий, опираясь на теоретические конструкты У. Бека, Н. Лумана и Э. Гидденса, разработал концепцию «общества всеобщего риска», которая сводится к совокупности техногенных рисков, порожденных форсированной модернизацией, и социогенных рисков, имеющих общественную природу своего происхождения [13, 30–47]. При этом в его работах четко прослеживается некоторое противоречие. С одной стороны, он на примере России описывает процесс формирования «общества всеобщего риска», анализирует различные его характеристики, а с другой стороны, пишет о том, что «общество всеобщего риска» – это именно парадигма, то есть теоретическая конструкция, а не слепок с текущей действительности.

Однако основным условием становления общества всеобщего риска, согласно У. Беку и О. Яницкому, является смена позитивной логики общественного развития на негативную. Первая своим нормативным идеалом имеет достижение равенства. Этот идеал, будучи основан на такой позитивной ценности социальных изменений, как рост богатства, признается обоими авторами утопичным и недостижимым. Нормативным же идеалом общества риска является безопасность, вследствие чего социальный проект имеет негативный и защитный характер. Такое общество ориентируется уже не на достижение лучшего (общественный прогресс), а на защиту и избежание худшего. При этом изменяется система ценностей (это уже не ценности «неравноправного общества», а ценности «небезопасного общества»); ориентация на удовлетворение потребностей трансформируется в ориентацию на их самоограничение. Одним из наиболее важных условий для подобной смены ценностей послужило превращение окружающей среды, а также созданной человеком системы жизнеобеспечения в среду жизненного разрушения. В такой ситуации общество уже не может развиваться прежними темпами, ему необходимо все больше сил для предотвращения тех последствий, которые породил общественный прогресс.

Таким образом, все выделенные подходы не выступают как альтернативные, а раскрывают многообразие черт нового типа общества.

Доминирующую роль в этих исследованиях играют экономические и социальные аспекты информационного общества, поскольку использование новых знаний для разработки технических инноваций становится решающим фактором международной конкуренции, а само научно-техническое и экономическое развитие общества все более зависимым от производства новых знаний. Однако при этом возникает целый ряд методологических и онтологических проблем, связанных с новой социальной ролью знаний, не считающихся больше прерогативой лишь научного производства, их использование рассматривается как усиление способности общества к практическому действию. Причем выявляется, что использование знаний

может иметь не только положительные, но и отрицательные последствия, увеличивая степень возникающего при их применении риска [3, 7–10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 342 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Г. В. Гороховой, Д. В. Ефременко и др. – М. : Логос, 2010. – 248 с.
4. Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире / В. Л. Иноземцев // Новая постиндустриальная волна на Западе : антол. – М. : Academia, 1990. – С. 19–20.
5. Информационное общество: сб. науч. работ [отв. ред. Е. Г. Кривцова]. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 507, [5] с. – (Philosophy).
6. Колпаков В. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа / В. Колпаков // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 26–38.
7. Моисеев Н. Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н. Н. Моисеев // Информационное общество : сб. – М. : АСТ, 2004. – С. 428 – 452.
8. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
9. Нэйсбит Д. Мегатренды / Д. Нэйсбит ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с. – (Philosophy).
10. Ракитов А. И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях / А. И. Ракитов. – М. : Прогресс, 1998. – 104 с.
11. Соловьев Э. Г. Информационное общество / Э. Г. Соловьев // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – С. 142–143.
12. Субетто А. И. Наука и общество (ноосферные основания единства) / А. И. Субетто. – СПб. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – 224 с.
13. Яницкий О. Н. Социология риска / О. Н. Яницкий. – М. : Изд-во «Lvs», 2003. – 192 с.
14. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – N. Y., 1973.
15. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory / N. Luhmann. N.Y. : Walter de Gruyter, Inc., 1993. – P. 28.

РЕЗЮМЕ

Н. М. Зленко. Філософське осмислення сучасних підходів суспільного розвитку.

У статті проаналізовано сучасне суспільство, яке отримало безліч інтерпретацій, на підставі яких були розроблені різні методологічні підходи і створені різноманітні моделі (теорія постіндустріалізму, інформаційного суспільства, суспільства знання, мережевого суспільства, суспільства ризику та ін.).

Ключові слова: *постіндустріалізм, інформація, знання, мережа, ризик.*

SUMMARY

N. M. Zlenko. Philosophical comprehension of modern society development approaches.

The article is devoted to modern society, which got the great number of interpretations on the basis of which different methodological approaches were worked out and various models were created (theory of postindustrialism, information society, society of knowledge, network society, society of risk and others).

Key words: *postindustrialism, information, knowledge, network, risk.*

УДК 130

І. В. Книш

Сумський національний аграрний університет

ТРАНСФОРМАЦІЯ ЗНАЧЕННЯ КОНЦЕПТІВ «БІОСФЕРА» ТА «НООСФЕРА» У ПОСТНЕКЛАСИЧНОМУ НАУКОВОМУ ДИСКУРСІ

У статті розглядається становлення концепції біосфери та ноосфери, досліджується трансформація значення концептів «біосфера» та «ноосфера» в постнекласичному науковому дискурсі та аналізується процес антропологізації екологічного знання в некласичний період як підґрунтя революційних змін у розвитку сучасної науки.

Ключові слова: *біосфера, ноосфера, екологія, жива речовина.*

Сучасний етап розвитку науки, пов'язаний із проблемою осмислення великої значущості середовища для існування людини, потребує пошуку нових світоглядних орієнтацій людства та введення відповідної теорії про взаємодію людини та природи в усі сфери наукового знання. Необхідно зазначити, що сучасні екологічні проблеми, занепокоєння громадськості умовами життя та екологічною ситуацією, яка склалася на планеті Земля, зумовлює необхідність створення нових підходів та переоцінок теорій, які були розроблені в некласичний період розвитку науки.